

Сегодня Валентину Ивановичу Исакову исполнилось бы 70 лет.

Человек, навсегда вошедший в историю Волжского автомобильного, вазовец, так сказать, первого призыва, он был для всех, знавших его, образцом трудолюбия, ответственности, обязательности и еще педантичной, где-то даже запредельной по нынешним временам порядочности и принципиальности.

Мы публикуем лишь три вынужденно сжатых, из-за ограниченности газетной площади, воспоминания о В. И. Исакове. Но верим, что многие и многие вазовцы смогли бы значительно развить, дополнить рассказ об этом удивительно ярком человеке. А в заголовок вынесли слова, которые, думаем, могли бы быть названы девизом его жизни.

Н. В. ЛЯЧЕНКОВ:

Он закладывал

основы ВАЗа

ВАЗ собрал под свои знамена плеяду очень крупных специалистов, организаторов, руководителей. Чтобы выделиться среди них, надо было обладать недюжинными способностями. Хотя, думаю, сам Валентин Иванович Исаков никогда лично не подчеркивал этого. Просто он всю жизнь честно, с полной отдачей делал то, что умел, и этого же ждал и требовал от других.

Я впервые плотно сошелся с ним в конце 1969 года, вернувшись после 20-месячного пребывания в Турине, и поразился, где-то даже позавидовал, сколько сделано здесь, в Тольятти. Он тогда уже возглавлял корпус вспомогательных цехов, который (опять же под его руководством) принял на себя основные заботы по подготовке и запуску ведущих технологических производств ВАЗа. Так что правильнее было бы называть его корпусом не вспомогательных, а обеспечивающих производств.

КВЦ, у истоков которого стоял В. И. Исаков, всегда честно и исправно обеспечивал Волжский автомобильный, многие заводы отрасли инструментом, оснасткой, оборудованием, осваивал новые технологические направления, будь то конвейерные системы, сварочное или окрасочное оборудование.

С учетом того, что первые руководители ВАЗа значительную часть времени по необходимости находились в Москве или за границей, В. И. Исаков оставался на самых решающих направлениях „главного удара”. Успех большого вазовского наступления во многом был связан и с тем, что он, прошедший великолепную школу на ГАЗе, своевременно осознал необходимость опережающего развития мощного, собственного механомонтажного цеха (пожалуй, одного из самых сильных в отрасли, хотя нас ориентировали прежде всего на возможности специализированных организаций „Минмонтажспецстроя”) и ускоренного развития сильной ремонтной службы. Это все его детища, которые обеспечили успешный ввод, а затем нормальное устойчивое функционирование всего Волжского автомобильного. Здесь выпукло проявились его позиция,

Делай что должно. И пусть будет, что будет

его личная инициатива, настойчивость, личная воля и целеустремленность.

Много лет работая с ним бок о бок, я всегда завидовал (и учился) его умению сосредоточивать силы, внимание на основных вопросах, одновременно не забывая и мелочей, от которых всегда зависело и зависит очень многое.

И еще мы у себя в КВЦ, а позднее и все на заводе привыкли: если что-то сказано, обещано, решено Исаковым — значит, можно верить, что будет выполнено. Сколько раз слышал это из уст В. Н. Полякова, Н. Ф. Семизорова, А. М. Тарасова — авторитет Исакова был у них предельно высок.

Человек это был исключительно пунктуальный. Что он не умел или просто по устройству своего характера не мог — это соврать. Не мог ввести в заблуждение. Я знал в своей жизни не много людей такой кристальной, предельной щепетильности и честности.

Почему-то в память легла вроде бы незначительная, но тоже по-своему выразительная история.

Готовилась к сдаче госкомиссии первая треть главного корпуса. Среди объектов (пусть и не первоочередных, но госкомиссия именно к ним относилась предельно строго: „Знаем вас, о станках позаботитесь, а о людях — как-нибудь потом“) была и столовая на первой вставке. Ввод ее мог сорваться по вине корпуса вспомогательных цехов, возглавляемого тогда В. И. Исаковым. Мы должны были сделать в этой столовой какие-то жарочные решетки, а специальную нержавеющую сталь удалось достать буквально накануне сдачи. Валентину Ивановичу уже намекали: давайте сделаем из обычной стали, (кто узнает?), а потом заменим на проектную — нельзя же допускать, чтобы из-за этого на нас всех собак вешали.

Он остался непреклонен. На заседании госкомиссии встал и заявил: что да, мы сорвали запланированное за нами задание, но он лично обещает, что решетка будет готова завтра к вечеру, но чтобы быть уверенным на 100 процентов, просит два дня.

У него к этому времени был такой авторитет, что никто, вплоть до А. М. Тарасова и главного санитарного врача России, не попытался подвергнуть его слова сомнению. Это было уже убеждение: „Сказанное Исаковым — железно“. На всю жизнь это стало примером для меня.

Л. П. ГОЛЯС:

Великое достоинство генерального — решения принимать единолично, но уметь слушать и доверять каждому

Все, кому довелось работать с В. И. Исаковым, знают, что это был прежде всего трудяга, честно тянувший свой все более нагружаемый воз. 23 года отработал на Горьковском автозаводе, в одном цехе, в одном корпусе. 30 лет на ВАЗе, от первых колышков до кабинета генерального директора.

У генерального много прав, но еще больше обязанностей, а в ту пору, да, наверное, и всегда — ограничений. Выходить за рамки предписаний небезопасно, да и себе дороже. Не имел он, скажем, права поднять кому-то зарплату сверх установленных жестко гра-

ниц. Чтобы назначить так называемую „персоналку“, требовалось выходить на уровень министерства, а то и Совмина.

Тем более значима для меня история, в которую я сам втравил В. И. Исакова. Пусть и не без его участия.

Было это в середине 80-х. ВАЗ сильно лихорадили поставки ДААЗа, особенно по пластмассовым деталям. По этой причине у нас регулярно скапливались тысячи некомплектных автомобилей.

Валентин Иванович вызвал меня (а я был тогда зам. начальника производственного управления):

— Бросай здесь все свои дела, отправляйся в Димитровград и живи там, пока не ликвидируешь некомплектность.

Несколько дней я ходил по цехам, разговаривал с рабочими, руководителями разных уровней и все больше приходил к выводу: люди просто убедили себя, что они не могут работать иначе. С другой стороны, они же за семь последних лет ни разу, оказывается, не получали премии, жили на голом тарифе.

Я подготовил проект „шокового“ приказа и отправился с ним к руководству ДААЗа. Предлагаю: если по пластмассам выполняется плановое задание (а это требовало увеличить выпуск где-то процентов на двадцать пять), коллектив получает по два оклада. Если выходят на такие-то рубежи — по три.

„Да ты что? Во-первых, мы имеющимися силами в любом случае производство на треть не поднимем, требуется коренное обновление. Но даже если произойдет чудо, какой УОТиЗ позволит такое превышение фонда зарплат?“

Тогда я приехал в Тольятти, пришел со своим проектом приказа к В. И. Исакову. Он внимательно выслушал все мои „шибко вумные“ рассуждения.

— А почему визы экономистов, УОТиЗа нет?

— Так заволокут же, на корню погубят идею.

Хмыкнул, молча, посидел минуты две и... поставил свою подпись.

Быстренько регистрирую приказ, тут же „отскериваю“ где-то экзemplаров сорок и, вернувшись в Димитровград, на первой же вечерней планерке раскладываю перед участниками.

В глазах руководителей читаю усмешку — пустой номер. Сули, не сули, а больше, чем выдаем, не получим. Это с грехом пополам делаем, а тут требуют сразу на 25 — 30 процентов рост.

День-два ничего не меняется. На третий, чувствую, что-то зашевелилось, уже пошли разговоры: „А вот если здесь попробовать...“, „У меня ребята уже кумекать стали, как на пресс-автоматах съем увеличить...“.

Словом, к концу второй недели по пластмассе впервые вышли на плановые показатели. „Ну, это случайно“. Нет, выдержали и день, и два, а на четвертый даже дали чуть сверху, в счет покрытия долгов.

Я ежедневно звонил В. И. Исакову, информировал, как идут дела. Когда, в кои-то веки, было успешно выполнено месячное задание, он чуть ворчливо и в то же время, я чувствовал, с внутренним одобрением разрешил:

— Ладно, можешь считать свою задачу выполненной. Возвращайся домой, пока твоя Вера тебя с жилищной площади не выписала. Да и других дел тут много.

И все-таки пришлось еще чуть задержаться. Самому убедиться, что люди все обещанное получили.

Спустя какое-то время мне из Димитровграда звонят:

— Ты в какую историю нас втравил?! Начальник цеха пластмасс требует в соответствии с твоим приказом тройную оплату.

— Во-первых, приказ не мой, а генерального директора. А второе — неужели сумели так перекрыть проектные показатели? Ну, мужики, дайте. Сейчас иду к Исакову. Расскажу, как его рискованный приказ сработал.

Прихожу.

— Тоже мне поразил. Я и так по сводкам вижу, что пошла дазозская номенклатура.

Дальше уже все закрепилося. Люди поверили, что они способны в ином ритме работать. Через несколько месяцев те „особо важные“ премии были отменены — вместо них начала действовать обычная вазовская система стимулирования за выполнение и перевыполнение заданий. Вряд ли это бы произошло (и вот так целенаправленно) без решительной поддержки В. И. Исакова.

Подобных случаев за годы работы с ним было немало. Особенно когда началась подготовка переднеприводных машин. Когда многое упиралось в инструкции, в „низзя“, „не по-ло-же-но“. Сколько раз я был вынужден идти к генеральному:

— Ничего не могу с ПЭУ сделать, не согласовывают.

— Ладно, семь бед — один ответ. Если что, будем ответ держать вместе.

Только его-то подпись всегда была основной, решающей.

А. М. ГУРОВА:

Талант Человека

Судьба улыбнулась мне: я много лет общалась, работала, делала общее дело с Валентином Ивановичем Исаковым. Человеком высокообразованным, сотканым из ответственности, порядочности, глубочайшей преданности выполняемому делу.

Такие люди, по моему глубокому убеждению, являются ценнейшим достоянием нации. Думая, с кем могла бы его сравнить, приходит на ум лишь Андрей Николаев, бывший руководитель федеральной службы погранвойск. Их так объединяет кажущаяся мягкая воля и решимость. Их „честь имею“ при любых обстоятельствах, глубокое внутреннее достоинство — Россия должна гордиться такими сыновьями.

Что хотела бы выделить я? Может, то, как он умел уважать, ценить своих помощников и соратников, которые отвечали ему тем же. Если его предшественников — „генеральных“ — нередко побаивались (может, „выдрать“ на парткоме, неважно где, лишь бы дело двигалось „семимильными шагами“), то ему был чужд такой стиль работы. Ведь насколько знаю, он ни разу не отменил ни одного решения своих заводов, даже если они казались ему недостаточно обоснованными.

Влияние его личности было настолько сильно, что рядом с ним казалось недопустимым трудиться без полной отдачи.

Он был законопослушным гражданином, но и очень внутренне независимым человеком, имеющим всегда свою „вазовскую“ точку зрения, которую умел отстаивать в любой обстановке, будь то горком партии или ЦК КПСС.

Помню, как на волне очередной кампании хотели ликвидировать Московскую дирекцию ВАЗа, хотя автозаводу крайне необходима бы-

ла своя штаб-квартира в столице. В. И. Исаков отправился к Е. К. Лигачеву — бесполезно. Тогда он сумел добиться приема у Б. Н. Ельцина, в то время первого секретаря МКГ КПСС, и все-таки решил этот вопрос.

Рядом с ним люди всегда чувствовали себя надежно, уверенно. Однажды на бюро горкома партии слушали отчет заместителя генерального директора ВАЗа по кадрам К. Г. Сахарова — тогда это было модно. Отчет оказался немногословен, и члены бюро уже готовились приступить к привычному „воспитанию“, обычно больше смахивающему на разнос. И тут поднялся В. И. Исаков. Он рассказал, как изменились на автозаводе с приходом К. Г. Сахарова работа с людьми, трудоустройство молодежи, профориентация, компьютеризация подшефных школ, внедрение системы профпродвижения. В два раза снизилась за короткий срок текучесть кадров по заводу, развернулось активное строительство ПТУ... „Обличительный“ настрой сразу спал, разговор пошел в деловом, спокойном русле.

А разве просто было в ту пору даже решиться на предложение сменить огромный транспарант на въезде в город: „Слава КПСС“ на „Добро пожаловать!“? Он решился. И убедил.

Валентин Иванович очень любил наш город, всемерно способствовал его обустройству. Как-то в бытность свою в Комсомольском районе обмолвился при встрече с ним, что никак не могу побороть песчаные пустыри возле речного вокзала. Через день раздался телефонный звонок начальника СУ озеленения ВАЗа А. Д. Бурганова. „Валентин Иванович просил оказать вам помощь. Со следующей недели начнем возить чернозем. Посмотрите, чтобы там было все готово“.

Сегодня те бывшие буераки — любимейшее место отдыха жителей Комсомольского района.

А сколько сил потратил он на прокладку водопровода в Федоровке, как откликнулся на любое доброе дело в городе — лишь бы это способствовало улучшению жизни людей.

И еще одно всегда поражало в нем. Известно, какая нагрузка лежит на генеральном директоре. Бывало, предложишь ему прочитать новую интересную книгу. А он, оказывается, ее уже прочитал и высказывает такие тонкие суждения, будто получил университетское гуманитарное образование.

Среди его любимых авторов были В. Солоухин, В. Чивилихин. Роман-эссе последнего „Память“ читал частями, не мог сразу, настолько сильны были его внутренние чувства потрясения („мне надо превратиться, осмыслить каждую мысль, приложить ее к своим знаниям“).

Любимый его марш был „Прощание славянки“. На торжественных мероприятиях, когда звучал этот марш, он становился особенно сосредоточенным, внутренне напряженным и в то же время отстраненным от всего. Словно вся русская история проходила в эти мгновения перед его внутренним взором.

Внешне, со стороны он был закрытым человеком, не любил никогда шумных застолий, пустячного „трепа“, но мог подолгу и увлеченно беседовать о хорошей книге, историческом фильме или... о своем внуке, в котором пытался рассмотреть черты человека XXI века.

Жизнь, судьба или, как сказали бы иные, Бог воздали ему, что рядом находился такой человек, как Дальмира Александровна. Чуткая, заботливая, всегда внимательная и понимающая, незаметная и могущественная женщина — жена. Проявившая такую силу и величие души, поддерживавшая его последнюю надежду и сегодня бережно сохраняющая в доме, в семье память об этом незаурядном, ярком, душевном Человеке.